

Каждая капля эволюционного стабилизатора, утёкшая за пределы лабораторий, была для Федерации словно заноза в сердце. В Ничейную Землю прибыл отряд, посланный для расследования.

— С каждым днём здесь всё омерзительнее. И зачем только Главный город спускает нас в эту клоаку разгребать их дерьмо?

— Куда уж нам до местной мерзости, — подхватил другой. — Все, как один, в змеиной шкуре, с хвостами скорпионов да глазами слизней.

Командир холодно усмехнулся:

— Не переживайте. Скоро всё закончится. «Великая Чистка» вот-вот начнётся по-настоящему...

— Ну, люди Аманты хотя бы не дураки... Отвалили кучу денег, лишь бы разузнать у нас хоть что-то.

— И как Федерация умудрилась потерять такую важную вещь? Чтобы она оказалась здесь, за пределами...

Командир нахмурился, цыкнул и отмахнулся:

— Не задавайте лишних вопросов. Приказ сверху - «найти». Значит, найдём.

— Федерация... — он сделал паузу, и уголки его губ приподнялись, — вот истинный хребет этой планеты. Огни Главного города не погаснут никогда. А мусору с планеты-Свалки на них и глазеть-то не положено.

— Нам повезло куда больше, — вставил кто-то с ноткой странной гордости в голосе. — Мы хотя бы носим форму Федерации и зачищаем это скопище загрязнённых.

— Их зачистка - часть очищения планеты, — подхватил другой. — Это наша «миссия», дарованная Федерацией.

Вся группа, словно по заученному шаблону, повторяла эти догмы с холодными, безразличными лицами, полными слепой, фанатичной веры в мир за пределами Пустоши.

Их отвращение к загрязнённым было, пожалуй, даже «чище», чем само загрязнение.

Как механик с быстро растущей славой, Цезаре подчинял себе окружающих откровенным «техническим превосходством», превосходившим даже уровень Главного города. Он попросту заставил признать своё мастерство большинство низкоранговых механиков и наёмников.

На планете-Свалке поклонялись «силе» и «технологиям». Он овладел ключевыми навыками модификации и стал незаменимой фигурой в Ассоциации.

Вот и сейчас Хак втащил в ремонтную мастерскую какую-то грязную «чудовищную» машину.

Она походила на изуродованную конечность древней модели меха. Корпус был весь в грубых заплатках сварки, железо потрескалось и заросло грибковыми спорами с Пустоши.

— Старьё из Главного города? Смотри, даже ядро насквозь проржавело.

— Да разве в Главном городе используют загрязнённые хребтовые кости? Даже патрульные машины не делают из такой дряни.

— Похоже, какой-то безумец из Пустоши сам собрал...

Хак выволок эту штуку с поля боя на планете-Свалке несколько лет назад. Ни один механик в Ничейной Земле не мог опознать, что это такое, но все сходились в одном: это груда бесполезного металлолома.

— Видели?! Видели?! — Хак, безумно хохоча, хлопнул по корпусу машины.

— Эта штука двигалась! Она была живой!

— Дайте мне только... ключевые данные... и я смогу её оживить!

Местные техники в испуге попятились, неодобрительно качая головами.

Кто-то не выдержал и выругался:

— Совсем спятил? Собрался выпрашивать чертежи у федеральных псов?

— Не спятил, а жить надоело, — холодно усмехнулся другой.

Никто в Пустоши не смел даже приближаться к «границам Федерации», а тем более связываться с дознавателями ради какой-то развалюхи.

Но Хак, не сводя глаз с этого «уродца», горел маниакальным огнём.

Никто ему не верил.

Лишь сам Хак свято верил, что этот мех не принадлежит ни Главному городу, ни планете-Свалке.

И если его не остановить, он и впрямь кинется напрямик на базу федерального патруля, чтобы разобрать военный транспортёр.

Хак был безумцем, но в то же время — истинным «гением». Из тех, кто «предпочтёт превратить всю Пустошь в руины, но докопаться до истины».

Будучи потомственным механиком, он владел собственной частной мастерской, спрятанной на дне ржавого загрязнённого колодца, и контролировал старые каналы поставок.

Кто-то невольно покосился на Чезаре, спускавшегося с лестницы.

— Может... спросим у этого парня?

Чезаре был весь в радиационной пыли. Он искал информацию о Пэй Цуне и, едва войдя в мастерскую, наткнулся на беснующегося Хака.

— У сопляка совета просить? — Хак презрительно фыркнул, всем видом выражая пренебрежение.

— Этот парень - чемпион Ассоциации. Даже наёмники с чёрного рынка... — попытался кто-то вставить.

— Ха! Чемпион? Мусор.

Хак, покусывая железные клещи во рту, не удостоил их даже взглядом. Он презирал всех этих механиков, гонящихся за дешёвой славой.

Чезаре и не думал навязываться. Он прошёл в другой конец склада и молча принялся осматривать другие обломки.

Однако он невольно бросил взгляд на «монстра» в руках Хака.

— Трубка хребта здесь установлена неправильно, — произнёс он безразличным тоном.

— Чего ты сказал? — Хак раздражённо обернулся.

Чезаре, не отрываясь от своего занятия и взвешивая в руке старый чертёж, ответил:

— Это труба какого-то ядерного источника энергии.

Окружающие опешили.

— ...Ядерного? Что такое «ядерный»?

Дыхание Хака перехватило. В голове будто разорвалась электрическая дуга.

— ...Быть не может... Кто в своём уме стал бы собирать меха из такого хлама?

Чезаре не стал вдаваться в подробности. Он действительно узнал этого монстра.

Его научил Пэй Цун.

Он говорил, что в мире существует оружие далеко за пределами пушек, плазменных ножей и взрывных снарядов - всего того мусора, что использовали на планете-Свалке.

То, что способно пробивать целые руины и раскалывать улицы, в глазах Пэй Цуна даже не считалось «настоящим оружием».

Пэй Цун упоминал слова, которых Чезаре никогда раньше не слышал: «ядерная энергия», «расщепление», «удар тёмной зоны»...

Сейчас Чезаре невольно прошёлся взглядом по меху Хака, следуя той самой «логике», которой учил его Пэй Цун. И в самом конце хребтовой трубки он заметил ряд крошечных радиационных символов.

Структура была незнакомой, едва заметной. Это было то, о чём упоминал Пэй Цун: «передовая труба ядерного расщепления».

Хак, вертя в перепачканных маслом пальцах клещи, уставился на Чезаре. В его взгляде что-то изменилось.

— Ты... знаешь, что это?

«Жажда истины» в нём пересилила даже гордость.

— Ты ведь знаешь, как оно двигалось? Иначе не смог бы с первого взгляда понять его устройство.

Дыхание Хака снова сбилось. Он изучал механизмы много лет и в конце концов умел распознавать странности. Не в силах сдержаться, он пристал к Чезаре, умоляя вместе разгадать тайну этой машины.

Окружающие, видя, что у Хака снова начался его «заскок», потихоньку разбрелись кто куда.

Снаружи, в переулке, ребёнок скорчился у мусорной кучи, закутавшись в чёрный плащ, скрывавший его тощее тело.

Закусив губу, он юркнул в глубь переулка.

Там его уже ждал соглядатай Аманты.

Соглядатай, облачённый в серый защитный костюм, перешитый на чёрном рынке, впился в него острым взглядом и тихо потребовал:

— Где эволюционный стабилизатор? Говори!

Ребёнок потёр заледеневшие пальцы и еле слышно ответил:

— Радиационный омут. Я своими ушами слышал, как он упоминал о нём в мастерской. Ключ к плану Инфу в радиационном омуте.

Соглядатай недоверчиво посмотрел на него:

— Энергетическая башня - ложный след? И координаты, что передали дознаватели, неверны?

— Неверны. — В глазах ребёнка промелькнула жестокость. — Я знаю, кто этот человек в маске... Инфу.

— Этот ублюдок не сдох. Под маской - сам Инфу, — прошептал он, отчеканивая слова. — Я видел его руки под рукавами. Серебристые нервные рубцы. Такие же, как в прошлый раз на чёрном рынке.

Лицо соглядатай изменилось:

— ...Ты уверен?

Ребёнка бил озноб:

— Этот тип обычно холоден, как змея. Чезаре с ним не сближается. Ошибки быть не может.

Соглядатай пристально смотрел на него несколько секунд, затем протянул запечатанный электронный планшет. В углу тускло светилась «фамильная печать рода».

Это был знак города, о котором он почти забыл, но который носил с самого рождения, никогда с ним не расставаясь.

— В Главном городе... только в вашей семье были те, кто использовал эволюционный

стабилизатор, а потом попал в безопасную зону и получил федеральное гражданство, — тихо произнёс соглядатай. — Аманта уже подкупил ряд людей в Федерации. На этот раз всё должно получиться. Твоя задача — не спускать глаз с Инфу и Чезаре.

Ребёнок сжал планшет так, что костяшки побелели.

— Эволюционный стабилизатор нужен всем, — добавил соглядатай. — Но останки твоего брата нужны только тебе.

Ребёнок стиснул зубы и, поколебавшись, наконец сдался:

— Я понял. Когда достану его, не стану присваивать.

Только тогда соглядатай ушёл успокоенный.

Ребёнок снова повернулся к переулку, где Чезаре, согнувшись, возился с механизмами.

Враждебность и жгучая, невыносимая ненависть в его груди полыхали так, что в глазах покраснело.

Если бы гены, что вживили в него, можно было вырвать из тела... стал бы он тогда больше похож на живого человека?

Аманта ведь хочет генной эволюции?

Почему только он один должен испытывать это чувство, когда надежда рушится прямо на глазах?

Пэй Цун, появившийся неизвестно когда, молча стоял у входа в переулок. Ночной ветер нёс холод Пустоши, он смотрел вперёд с ледяным, ничего не выражающим лицом.

Ребёнок, заметив его, вздрогнул, сердце бешено забилося. Но он не посмел ничего спросить и лишь покорно остался ждать, пока Чезаре закончит работу.

Увидев их обоих, Чезаре едва заметно напряг плечи. Взгляд его был пустым и отстранённым.

Никто не спросил, как прошёл его день, а он и не собирался рассказывать. Не хотел упоминать, как Хак пристал к нему в Ассоциации.

Не проронив ни слова, он прошёл мимо них.

От него веяло холодом и металлическим запахом крови.

Перед дверью в свою комнату в гостинице Чезаре чуть замедлил шаг и искоса глянул на ребёнка за спиной.

Тот инстинктивно сделал полшага в сторону Пэй Цуна, ища защиты. В последнее время Чезаре был к нему довольно добр. Но, возможно, из-за нечистой совести, его пробирала дрожь, будто «все его замыслы были прочитаны насквозь».

Пэй Цун тоже это заметил. Провожая взглядом спину Чезаре, он молча потёр переносицу.

Он просчитался.

В тот вечер он не убил ребёнка, пустив всё на самотёк. И теперь они снова погрузились в странную холодную войну. Чезаре оказался куда более ледяным, чем он предполагал.

Ночь сгустилась. В гостинице стояла мёртвая тишина.

Штора в комнате Пэй Цуна была полузадёрнута. В щель врывается холодный ветер, всколыхнув стоячую воду в стакане.

Он лежал на боку у края постели. Лицо во сне было спокойным, всё тело казалось остывшей марионеткой. Даже дыхание было таким лёгким, что не верилось, будто перед тобой живой человек.

Дверь бесшумно отворилась.

Чезаре привычно скользнул внутрь, не издав ни звука. Бесшумный, холодный, словно призрак.

Он сел на край кровати, устался на Пэй Цуна, затем наклонился и медленно втянул носом воздух.

Запах крови, приглушённый ароматом табака.

Слабый. Терпкий. С примесью гнилостного душка разорванной плоти.

Пэй Цун был ранен.

Он почуял это ещё в переулке.

Чезаре согрел дыханием кончики пальцев и опустил их на бок Пэй Цуна. С ловкостью патологоанатома, раздевающего труп, он откинул край его одежды.

Пальцы скользнули по коже и наткнулись на бугристый разрыв.

Рана была глубокой. Кровь запеклась, стянув кожу вдоль нижнего края рёбер. Мышцы и кожа сочились густой, тёмно-красной сукровицей.

Похоже, её не обрабатывали.

Виднелись воспалённые прожилки и слегка вывернутые наружу синюшные ткани.

Чезаре устался на эту рану. В глубине горла зародился тихий, едва уловимый вопрос.

С такой раной... при обычной скорости регенерации Пэй Цуна, она не должна была оставаться незажившей до сих пор.

На этот раз Пэй Цун пострадал серьёзнее обычного.

Стоило чуть надавить - и кожа казалась более хрупкой, чем он помнил.

Взгляд Чезаре потемнел, но он ничего не сделал. Лишь наклонился ниже и подушечками пальцев бережно стёр следы крови.

Взгляд был липким, тягучим. В душе зашевелилось странное, извращённое возбуждение:

«Оказывается, и Пэй Цун не всегда такой «неуязвимый».

Человек на кровати ничего не замечал.

Чезаре склонился ниже и, как делал уже много раз, припал ртом к его запястью. Бесшумно, одними зубами, он прокусил на коже крошечную, незаметную ранку.

Язык собрал каплю крови. Знакомый холод и терпкий привкус металла наполнили рот. Температура тела Пэй Цуна всегда была теплее его собственной.

На этот раз он укусил сильнее, кончики зубов почти проткнули более глубокий сосуд. Яд заструился вместе с кровью.

Чезаре испытывал.

Каждый раз, когда его яд обретал новое свойство, он проводил эксперимент на Пэй Цуне.

Он знал, что этот яд для него безвреден. Даже когда токсин попадал внутрь, Пэй Цун не чувствовал боли. Самое большее – становился чуть сонливым, чуть рассеянным.

Чезаре просто привык использовать его как подопытного. Впрыскивая в него яд, он снова и снова проверял: «Пэй Цун всё ещё жив? Всё ещё рядом со мной?»

Этот змеиный яд не мог причинить ему никакого реального вреда.

И всё же Чезаре продолжал кусать его, с болезненным самоуспокоением, осторожно пытаясь оставить на теле Пэй Цуна свой собственный, неповторимый след.

«...Опять бесполезно», — прошептал он про себя, но не собирался останавливаться.

Однако вскоре Чезаре заметил неладное.

Брови Пэй Цуна едва заметно нахмурились. Дыхание стало чуть глубже, чем раньше. Кисть под одеялом инстинктивно сжалась. На запястье начали проявляться признаки отравления.

Эта неожиданная реакция заставила сердце Чезаре болезненно сжаться.

Он замер.

В глубине его глаз вспыхнуло давно забытое потрясение, смешанное с возбуждением.

«...Неужели... подействовало?»

Он почти не верил самому себе.

Тот низкоуровневый токсин, что раньше никогда не действовал на Пэй Цуна, на этот раз медленно распространялся по его телу.

Чезаре наконец убедился: в организме Пэй Цуна произошёл какой-то видимый «сбой», «надлом».